СТАТЬИ / PAPERS

Р.А. Аль-Фоади
R.A. Al-Foadi

СЕМИТСКО-ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ФОНОГРАММАТИЧЕСКАЯ БЛИЗОСТЬ В АРАБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

THE SEMITIC-INDO-EUROPEAN PHONOGRAMMATICALPROXIMITY IN ARABIC AND RUSSIAN

В статье автор рассматривает роль фонограмматики в раскрытии семитско-индоевропейской близости в арабском и русском языках. Автор анализирует механизм звуковых количественных изменений фонограмматики в арабском и русском языках. Важным представляется тот факт, что звуковые количественные изменения консонантов способны выразить все семантические и грамматические значения языка.
***Ключевые слова**: фонограмматика, консонант, гласный, корень, флексия, фонограмматический процесс.*

The article considers the role of phonogrammar in exposing the semitic-Indo-European proximity in Arabic and Russian. The author analyzes the mechanism of changing sound quantity of phonogrammar in Arabic and Russian. The changes of sound quantity of consonants are able to express all semantic and grammatical meanings of language, which looks as a very important fact.
***Key words**: phonogrammar, consonant, vowel, root, flexion, phonogrammatical process.*

Неопровержимые факты являются доверенными свидетелями научной правоты, в том числе и лингвистической. Общие языковые постулаты, существующие в семитских и индоевропейских языках, такие как отчетливое выделение частей речи [13, 14], дуалист [12] и тасриф (фонограмматика) [1], подсказывают фонограмматическую близость данных языков, относящихся к разным языковым семьям. Чем глубже мы проникаем в историю этих языков, тем теснее они сближаются друг с другом не только с практической точки зрения, но и с канонической. Арабский является «…новым каноническим языком, на котором написаны новые оригинальные канонические тексты» [3, 100–101], а церковнославянский язык возник при перенесении христианского канона на почву славянского языка, т.е. по преимуществу как перевод с греческого. Древнееврейский, арамейский и арабский являются первоначальными каноническими языками, способными служить ключами от славянского Евангелия[1], т.к. «во всем лексикографическом запасе

[1] Ветхий завет был написан на древнееврейском, Новый завет на арамейском, а Коран на арабском. Арамейский – диалект аккадского – является родным языком Авраама и Моисея, а арабский есть

славянского Евангелия многое остается нерешенным до тех пор, пока не приведется в ясность корнеслов прочих книг Ветхого и Нового завета» [6, 5–6]. Оба языка Ветхого и Нового завета являются семитскими, потерпевшими существенные изменения, а арабский является семитским каноническим языком, на котором, как мы уже отмечали ранее, написаны новые оригинальные канонические тексты, поэтому фонограмматика арабского языка может служить хорошим представителем семитской группы для сравнительного изучения языков.

Во многом благодаря фонограмматическим правилам систематики, арабский язык отличается «…методом своего построения от многих грамматик других языков и образует самостоятельную традицию грамматического описания» [3, 128]. Вследствие этого в арабском языке лучшим образом представлены законы тасрифа, служащего средством фонограмматической экономности, т.к. «арабский язык отличается от других семитских языков более полным сохранением звуковых, грамматических и словарных богатств семитского праязыка, а также дальнейшим развитием форм и обогащением словаря до баснословных размеров» [17, 2]. Поэтому мы будем анализировать фонограмматику в арабском языке как в новом каноническом представителе семитской группы, т.к. *арабские лингвисты пользуются каноническими текстами Корана для установления грамматических правил арабского языка*. Другие канонизированные семитские языки подвергались изменениям: древнееврейский утратил много специфических признаков семитского праязыка и практически не используется, арамейский лишен фонограмматического двойственного числа и малоупотребителен, новый неканонический иврит был трансформирован на основе арабского языка – все вышеперечисленное *делает арабский язык лучшим представителем семитской группы*. Русский язык анализируется как представитель индоевропейской группы, поскольку русский уходит своими корнями к церковнославянскому языку, и, в конце концов, к греческому, обогащенному фонограмматическим строем языка, т.к. «древнегреческие морфонологические явления отмечаются в глаголе и имени, в словообразовании и словоизменении, вокализме, консонантизме и на линейной оси» [10, 51].

Семантическая фонограмматика отчетливо проявляется в индоевропейских языках (лат. *cerno – crevi, sterno – stravi, pello – pepuli*; анг. *foot – feet, tooth – teeth, mouse – mice, come – came, send – sent*; немец. *Bruder – Brüder*; фран. *Brun – brune*; рус. *дом – домá, берег – берегá, друг – друзья, убирать – убрать* и проч.), но русский обладает высокой семантической фонограмматичностью[2], сближающей его с тщательно организованными фонограмматическими процессами арабского тасрифа (*dars* ‘урок’ → *durūs* ‘уроки’ – мн. число м.р., *jild* ‘кожа’ → *julūd* ‘кожи’ – мн. число м.р., *ḥarb* ‘война’ → *ḥurūb* ‘войны’ – мн. число м.р., *kataba* ‘писать’ → *kātib* ‘писатель’, *šaraba* ‘пить’ → *šārib* ‘пьющий’ – имя сущ. и причастие действ. залога м.р. ед.ч. им.п. → *šāribat* ‘пьющая’ – имя сущ. и причастие действ. залога ж.р. ед.ч. им.п., *kātiban* ‘два писателя’ и *šāriban* ‘два пьющих’ – имя сущ. дв.ч. м.р. им.п. →‘*n katibein* ‘о двух пьющих’ – имя сущ. дв.ч. м.р. пред. п., *lišaribein* ‘двум пьющим’

родной язык Мухаммеда. Все перечисленные языки являются семитскими, т.е. это языки одной и той же семьи.

[2] Фонограмматичность – это способность языка к выражению семантических и грамматических значений посредством изменения количественного звучания консонантов: напр, рус. *дом – домá, берег – берегá*; анг. *write – wrote, speak – spoke, foot – feet, tooth – teeth, mouse – mice* ; араб. *jild* ‘кожа’ – *julūd* ‘кожи’ – мн. число м.р.; *ḥarb* ‘война’ – *ḥurūb* ‘войны’ – мн. число м.р. и проч. Термин фонограмматика вкачает в себя не только морфонологию, но и фонословоизменение (рус. много книг, мыслителей; араб. *kātiban* ‘два писателя’, ‘*n katibein* ‘о двух пьющих’, *šaribūn* ‘пьющие’ – *kalam šaribīn* ‘речь пьющих’), а также семантику первичных корней: напр, рус. *слово, слава, слух*; араб. *fara**m**a* ‘крошить, резать на куски’, *fara**d**a* ‘делать зарубки о дереве’, *fara**ṯ**a* ‘разбивать содержимое желудка и кишок животного’, т.е. фонограмматика учитывает флексию на всех уровнях языка.

– дв.ч. м.р. дат.п. → *šaribūn* ‘пьющие’ – имя сущ. мн.ч. м.р. им.п. → *kalam šaribīn* ‘речь пьющих’ – имя сущ. мн.ч. м.р. род. п.).

Беглый взгляд на вышеприведенные примеры, показывает, что индоевропейские слова маркированы фонограмматически – флективно, а арабские были созданы *тасрифом*, под которым можно понять звуковые количественные изменения звучания значимых консонантов корня[3], приводящих к образованию корней, спряжению, морфонологической категоризации и фонословоизменению арабских слов посредством фонограмматики. По тасрифу можно понять фонограмматические связи между такими формами как: *ʿashaga* ‘влюбиться’ – инфинитив → *ʿūshiga* ‘был любим’ – причастие страдат. залога ед.ч. м.р. →*ʿāshig* ‘влюбляющийся’ – имя сущ. и причастие действ. залога ед.ч. м.р. → *ʿashagā* ‘влюбились’ – прошед. время дв.ч. м.р. →*ʿushigā* ‘были любимы’ – причастие страда. залога дв.ч. м.р. →*ʿashagtā* ‘влюбились’ – прошед. время дв.ч. ж.р. → *ʿushigatā* ‘были любимы’ – причастие страда. залога дв.ч. ж.р., *ʿashigān* ‘влюбляющиеся’ – имя сущ. и причастие действ. залога дв.ч. м.р. им. п. →*ʿashigatān* ‘влюбляющиеся’ – имя сущ. и причастие действ. залога дв.ч. ж.р. им. п. → *ʿn ʿashigein* ‘о влюбляющихся’ – имя сущ. и причастие действ. залога дв.ч. м.р. пред. п. → *ʿashigūn* ‘влюбляющиеся’ – имя сущ. и причастие действ. залога мн.ч. м.р. им. п. *ʿn ʿashigīn* ‘о влюбляющихся’ – имя сущ. и причастие действ. залога мн.ч. м.р. пред. п.. Таким образом, можно рассмотреть семитско-индоевропейскую фонограмматическую близость в арабском и русском языках, исходя из общности их фонограмматического строя, на основе которого создаются такие русские слова как: *дом* → *домá*, *берег* → *берегá*, и арабские типа *dars* ‘урок’ → *durūs* ‘уроки’, *jild* ‘кожа’ → *julūd* ‘кожи’, *ḥarb* ‘война’ → *ḥurūb* ‘войны’, тем самым раскрывая семантическую фонограмматическую близость двух языков.

Вопрос о фонограмматической близости индоевропейских языков к семитским языкам неотделим от *консонантизма* и *вокализма*, при которых фонограмматическую близость русского к арабскому языку можно раскрыть посредством обнаружения фонограмматического механизма в обоих языках. Несмотря на то, что «славянские языки и греческий имеют консонантную морфонологию неодинакового происхождения, структуры и содержательного наполнения» [11, 134], а арабский обладает своей канонической консонантной фонограмматикой, они все-таки сближаются. В этих языках фонограмматика зависит от наименьшей языковой единицы – фонемы, способной нести семантические различия [16, 150], тесно связанные с количественным изменением звучания значимых консонантов. Значимость консонантов является характерной чертой как для арабских корней (*jari**b**a* ‘болеть паршой’, *jara**f**a* ‘уносить, умывать о потоке’, *jaraša* ‘толочь крупно’; *fara**q**a* ‘разъединить, разводить’, *fara**z**a* ‘отделять, выделять, сортировать’, *fara* ‘раскалывать, разбивать, разрезать на куски’, *fara**m**a* ‘крошить, резать на куски’, *fara**d**a* ‘делать зарубки о дереве’, *fara**t**a* ‘разбивать содержимое желудка и кишок животного’, *fara**j**a* ‘приоткрывать, освобождать’; *qaṭʿa* ‘резать, отрезать’, *qaṭa**f**a* ‘рвать, собирать цветы, плоды, снимать’, *qaṭa**m**a* ‘хватать зубами, цапать, откусывать’, *qataša* ‘отделять кусочек, резать кончик’), так и для русских (*слово, слава, слух,* и др.). До тех пор пока мы не можем раскрыть семантику отдельного консонанта, установить точные правила звуковых изменений, имеющих место при консонантизме и вокализме в арабском и русском языках, чтобы определить тот механизм, на базе которого реализуется фонограмматика, вопрос о фонограмматической смыслоразличительной роли фонемы остается непроясненным.

Звуковые количественные изменения консонантов, происходящие при консонантизме и вокализме как в индоевропейских словах: рус. *дом* → *домá*, *берег* → *берегá*, *друг* → *друзья*, *убирать* → *убрать*, так и в арабских: *dars* ‘урок’ → *durūs* ‘уроки’ – мн. число м.р.; *jild* ‘кожа’ → *julūd* ‘кожи’ – мн. число м.р.; *ḥarb* ‘война’ → *ḥurūb* ‘войны’ – мн. число м.р. являются не только грамматическими, но и семантическими. Эти изменения

[3] Об этом см. ниже.

обусловливают рассмотрение тех фонем, звуковая долгота которых продлевается или укорачивается не только с грамматической, но и с семантической точки зрения, т.е. позволяют анализировать *смыслоразличительную роль количественно изменяемой фонемы*. Так, если рассматривать флектированные слова типа *qāṯiʿ* ‘режущий’ – имя сущ. м. р. и причастие действ. залога м.р. ед.ч. им. п., *qūṯiʿa* ‘был резан’ – причастие страд. залога, образованные от *qaṯaʿa* ‘резать’ – неопределенная форма глагола, и *qāṯif* ‘рвущий, собирающий цветы’ – имя сущ. и причастие действ. залога м. р. ед. ч., *qūṯifa* ‘был рван, собран о цветах – причастие страд. залога', образованные от *qaṯafa* ‘рвать, собирать цветы, плоды, снимать’, то отчетливо видно, что звучание /*q*/ в ***qāṯi***ʿ ‘режущий’ увеличилось по сравнению с исходным словом ***qa***ṯaʿa ‘резать’, а звучание второго консонанта /*t*/ уменьшилось *qāṯ**ti***ʿ ‘режущий’. Данные фонограмматические изменения зависят от смыслоразличительной роли каждой консонантной фонемы корня, т.к. в арабском языке, ***каждый консонант значим***. Его значение объясняется фактическим сходством физических движений органов речи с действием, создаваемым субъектом. Таким образом, звук /*q*/, выходящий со дна горла, отрывается языком у нёба, а при произношении второго звука /ṯ/ воздух отрывается серединой языка, прикасающейся к нёбу рта, что дает полное сходство между звучанием этих двух согласных и значением, выраженным ими "рвать, резать" – действием субъекта, третий же консонант уточняет способ действия. В данном случае звук /ʿ/, выходящий с самого глубокого места горла, обозначает полное резание. Следовательно ***первые два консонанта выражают основное значение арабского корня /qṯ/ ‘резать’, а третий уточняет способ действия*** ср. (*qaṯaʿa* ‘резать’, *qaṯa**f**a* ‘рвать, собирать цветы’, *qaṯa**m**a* ‘хватать зубами, цапать, откусывать’, *qataša* ‘отделять кусочек, резать кончик’). Данное явление отмечается и в русском языке: ***слу***- , откуда происходят: *слухъ, слово, слава* … и проч. [5, 32].

Значимость арабских консонантов проверяется двумя способами, установленными Ибном Джины [19, 21]. Этими двумя способами проверяется и оригинальность арабского корня: 1) первые два консонанта корня несут основное значение, а третий уточняет, определяет и конкретизирует его (ср. *fara* ‘раскалывать, разбивать, разрезать на куски’, *fara**m**a* ‘крошить, резать на куски’, *fara**d**a* ‘делать зарубки о дереве’, *fara**ṯ**a* ‘разбивать содержимое желудка и кишок животного’); 2) при перестановке консонантов корня, сохраняется его общее значение (ср. *ʿaşara* ‘давить, жать", *şaraʿa* "сдавливать, сбить’, *raʿaşa* ‘трясти головой от давящей боли’). Следовательно фонограмматические процессы, происходящие в арабских словах *(dars* ‘урок’ – *durūs* ‘уроки’ – мн. число м.р.; *jild* ‘кожа’ – *julūd* ‘кожи’ – мн. число м.р.; *ḥarb* ‘война’ – *ḥurūb* ‘войны’ – мн. число м.р.) суть звуковые количественные изменения значимых консонантов, с которыми сближаются по механизму флексии (рус. *дом – домá, берег – берегá, друг – друзья, убирать – убрать*; англ. *foot* ‘нога’ – *feet* ‘ноги’, *tooth* ‘зуб’ – *teeth ‘зубы’*, *mouse* ‘мышь’ – *mice* ‘мыши’, *come* ‘приходить’ – *came* ‘пришел’, *find* ‘находить’ – *found* ‘нашел’, *fight* ‘воевать’ – *fought* ‘воевал’; нем. *scelten* ‘бранить’ – *schilt* ‘бранит’, *helfen* ‘помогать’ – *Hilft* ‘помощь’, *geben* ‘давать' – *gibt* ‘дает’, *Wetter* ‘погода’ – *wittern* ‘чуять’, *Hand* ‘рука’– *Hände* ‘руки’). Они сближаются по семантическому фонограмматическому строю – изменению количественного звучания значимых консонантов.

Сочетание значимых консонантов как в арабских словах (*fara**m**a* ‘крошить, резать на куски’, *fara**d**a* ‘делать зарубки о дереве’, *fara**ṯ**a* ‘разбивать содержимое желудка и кишок животного’, и проч.), так и в русских словах типа (*слух, слово, слава* и др.) создает исходную корнеформу, образованную по фонограмматическим балансам-моделям. Если для неопределенной формы глагола арабского языка существует баланс *faʿala*[4], то русские

[4] Арабские балансы – это фонограмматические балансы, обусловливающие чередования гласных в арабском тасрифе – флексии. Суть данных балансов заключается в том, что для каждого звука в

слова обладают словообразовательными моделями, по которым формируются языковые единицы, звуковой состав которых количественно изменяется при фонограмматике. Фонограмматика в русских словах *дом – домá, берег – берегá, друг – друзья, убирать – убрать* представляет собой количественные изменения значимых звучаний корня. Данные звуковые изменения являются индоевропейским наследием и имеют уподобления в других языках: напр., в немец. *Bruder – Brüder*; фран. *Brun – brune*; англ. *foot* ‘нога’ – *feet* ‘ноги’, *tooth* ‘зуб’ – *teeth ‘зубы’, mouse* ‘мышь’ – *mice* ‘мыши’, *come* ‘приходить’ – *came* ‘пришел’, *find* ‘находить’ – *found* ‘нашел’, *fight* ‘воевать’ – *fought* ‘воевал’. Таким образом, механизм фонограмматических процессов в таких словах очень тесно сближается с арабским тасрифом в словах типа *dars* ‘урок’ – *durūs* ‘уроки’ – мн. число м.р., т.к. в обоих языках (арабском и русском) семантика меняется в результате количественного изменения звука. В связи с этим необходимо уточнить определение флексии не только как формально-грамматического строения, а как семантического фонограмматического механизма – семантической фонограмматики, поскольку чередование гласных звуков является причиной изменения количественного звучания значимых консонантов. Эта точка зрения обоснована тем, что значимые консонанты корня подвергаются семантическим преобразованиям, в результате которых слова категорируются: 1) фонетически, т.к. изменение количественного звучания охватывает весь состав корня (*бéрег – бергá, дóм – домá, jild* ‘кожа’ – *julūd* ‘кожи’; *ḥarb* ‘война’ – *ḥurūb* ‘войны’, *qāṭiʿat* ‘режущая – имя ж.р. ед.ч.’ → *qaṭiʿāt* ‘режущие – сущ. ж.р. мн.ч.’). Переход ударения влияет на долготу звучания всех консонантов корня, поскольку чередование одного гласного в составе корня, безусловно, приводит к раздаче гласного звука всего слова: «В действительности согласный и гласный взаимно определяют друг друга таким образом, что воспринимаются слухом в неразрывном единстве. Для того чтобы и на письме обозначать эту естественную связь, было бы правильнее изображать гласные не как отдельные буквы, а лишь как модификации согласных, как это принято в целом ряде азиатских алфавитов» [9, 86–87]; 2) морфонологически (*qaṭʿa* ‘резать’ – неопределенная форма глагола → *qāṭiʿ* ‘режущий’ – имя сущ. м. р. и причастие действ. залога → *qūṭiʿa* ‘был резан – причастие страд. Залога’, *убирать* ‘несов.’ → *убрать* ‘сов.’); 3) фоносинтаксически (*katibān* "два писателя" → *ʿn katib**ei**n* ‘о двух писателях’ – имя сущ. дв.ч. м.р. пред.п., *katibūn* ‘писатели – сущ. м.р. мн.ч. им. п.’ → *ʿn katib**ī**n* ‘о писателях’ имя – сущ. мн.ч. м.р. пред. п., *много книг, учителей, полей).* Таким образом, фонетические, морфонологические и фоносинтаксические изменения являются звуковыми количественными изменениями звучания консонантов, представляющих ***собой суть фонограмматики***, поэтому мы называем такие звуковые изменения, выражающие фонетические, морфонологические и фоносинтаксические категоризации, ***фонограмматическими процессами***; 4) семантически (напр. *qāṭiʿ* ‘режущий’, *qūṭiʿa* ‘был резан’, образованные от *qaṭaʿa* ‘резать’ обладают *консонантной семантикой действия*[(5)], с которой связывается семитическое фонограмматическое изменение при чередовании звуков, т.к. в них *акция гласного чередования есть реакция консонантная).* Данное явление оправдывается тем, что язык представлен не только письменной речью, но и звучащей, а разное звучание обусловливает и разную семантику.

Общий механизм семантической фонограмматики в арабском и русском языках обязывает нас отказаться от созданного Ф. фон Шлегелем понятия флексии, применяемого к явлениям чисто грамматического чередования – аблуата, вытесненного позже внутренней

балансе должен быть в слове звук, равный ему по звучанию, т.е. звуки в слове соответствуют по звучанию звукам баланса: *faʿala – qaṭaʿa* ‘резать’, *fūʿila – qūṭiʿa* ‘был резан’, *fāʿil – qāṭiʿ* ‘режущий’.

[5] Неделимая связь звучания консонанта с его значением, объясняется тем, что движение органов речи при произношении звука уподобляет тому действию, делаемому субъектом, поэтому, изменения звучания консонанта есть изменения того значения, связанного с его звучанием. Об этом см. выше *qaṭaʿa*.

флексией, охватывающей также чередования огласовок семитских языков [8, 551]. Флексия как чисто грамматическое чередование не способна выразить семантические количественные изменения корня, т.к. консонанты слова обладают определенной семантикой до флексии: (рус. *дом, берег, друг, убирать*; англ. *foot* ‘нога’, *tooth* ‘зуб’, *mouse* ‘мышь’, *come* ‘приходить’, *find* ‘находить’, *fight* ‘воевать’; нем. *scelten* ‘бранить’, *helfen* ‘помогать’, *geben* ‘давать’, *Wetter* ‘погода’, *Hand* ‘рука’; араб. *dars* ‘урок’; *jild* ‘кожа’, *ḥarb* ‘война’), а после семантической фонограмматики их количественное звучание изменяется, поскольку «…согласные звуки необходимо сопровождаются движением воздуха, который по отверстию, где проходит, и по месту, где образует звук, определяет ***различные согласные звуки***» (жирный курсив наш – *Р.А.*) [7, 199]. Разные звучания есть ***разные значения***, и «…звук в слове есть средство объектировать мысль, ставить и удержать ее перед собою, как предмет, подлежащий действию следующей мысли. Затрата силы на произношение звука в речи оправдывается лишь в той мере, в какой без звука невозможно удержать <…> значение. ***Чем слабее энергия мысли, тем более она нуждается в звуке как внешней опоре***» (жирный курсив наш – *Р.А.*) [15, 65]. Поэтому термин семантическая фонограмматика, который является эквивалентом арабскому тасрифу, может служить для обозначения фонограмматических процессов, в результате которых слова приобретают новые ***семантические*** и грамматические преобразования посредством звукового количественного изменения консонантов корня: рус. *дом – домá, берег – берегá, друг – друзья, убирать – убрать*; анг. *foot* ‘нога’ – *feet* ‘ноги’, *tooth* ‘зуб’ – *teeth* ‘зубы’, *mouse* ‘мышь’ – *mice* ‘мыши’, *come* ‘приходить’ – *came* ‘пришел’, *find* ‘находить’ – *found* ‘нашел’, *fight* ‘воевать’ – *fought* ‘воевал’; нем. *scelten* ‘бранить’ – *schilt* ‘бранит’, *helfen* ‘помогать’– *Hilft* ‘помощь’, *geben* ‘давать’ – *gibt* ‘дает’, *Wetter* ‘погода’ – *wittern* ‘чуять’, *Hand* ‘рука’– *Hände* ‘руки’; араб. *dars* ‘урок’ – *durūs* ‘уроки’ – мн. число м.р.; *jild* ‘кожа’– *julūd* ‘кожи’ – мн. число м.р.; *ḥarb* ‘война’ – *ḥurūb* ‘войны’ – мн. число м.р..

В результате нам становятся ясны семантические фонограмматические изменения, происходящие с консонантами данного корня (*ʿashaga* ‘влюбиться’ – инфинитив,*ʿūshiga* ‘был любим’ – ед.ч. м.р.,*ʿāshig* ‘влюбляющийся’ – имя сущ. и причастие действ. залога ед.ч. м.р., *ʿashagā* ‘влюбились’ – дв.ч. м.р. прошед. время,*ʿushigā* ‘были любимы’ – причастие страд. залога дв.ч. м.р.,*ʿashagtā* ‘влюбились’ – дв.ч. ж.р. прошед. время *ʿushigatā* ‘были любимы’ – причастие страд. залога дв.ч. ж.р.,*ʿashigān* ‘влюбляющиеся’ – дв.ч. м.р. им. п., *ʿashigatān* ‘влюбляющиеся’ – дв.ч. ж.р. им. п., *ʿn ʿashieiīn* ‘о влюбляющихся’ – дв.ч. м.р. пред. п., *ʿashigūn* ‘влюбляющиеся’ – имя сущ. и причастие действ. залога мн.ч. м.р. им. п. *ʿn ʿashigīn* ‘о влюбляющихся’ – имя сущ. и причастие действ. залога мн.ч. м.р. пред. п.).

Сохранение жесткого порядка значимых консонантов корня в результате семантических фонограмматических процессов на всех языковых уровнях отражает суть принципов флективной прогрессивной интеграции языковых уровней [2]. По данным принципам на основе сочетания значимых консонантов создается исходная корнеформа (типа *j-r-**f*** ‘уносить, умывать о потоке’), определяется стандартное звуковое количество консонантов по балансу (***fa**ʿ**ala** – **jarafa*** ‘уносить, умывать о потоке’), реализуется морфонологическая категоризация (***jārif*** ‘уносящий’ – сущ., и причастие действ. залога м.р. ед.ч. им.п., *jūrifa* ‘был унесен’ – причастие страд. залога м.р. ед.ч., *jūrifat* ‘была унесена’ причастие страд. залога ж.р. ед.ч., *jarafā* ‘унесли’ – форма дв.ч. м.р. прошед. в., *jaraftā* ‘унесли’ – форма дв.ч. ж.р. прошед. в., *jurifā* ‘были унесены’ – причастие страд. залога дв.ч. м.р., *jurifatā* ‘были унесены’ – причастие страд. залога дв.ч. ж.р., *jarifān* ‘уносящие’ – имя сущ., причастие действ. залога дв.ч. м.р. им.п, *jarifatān* ‘уносящие’ – имя сущ., причастие действ. залога дв.ч. ж.р. им..п, *jarifūn* ‘уносящие’ – имя сущ. м.р. мн.ч. им. п, *jarifāt* ‘уносящие’ – имя сущ. ж.р. мн.ч. им. п., осуществляется фонословоизменение *ʿn jarifein* ‘о двух уносящих’ – дв.ч. м.р. пред. п., *li jarifatein* 'двум уносящим’ – дв.ч. ж.р. дат. п., *makan jarifīn* ‘место уносящих’ – сущ. м.р. мн.ч. род. п.). Следовательно фонограмматические процессы охватывают все языковые уровни арабского, что подтверждает тесное сближение арабской фонограмматики (тасриф) с индоевропейской флексией в русском, поскольку

«флексиями называются изменения по склонению и спряжению» [5, 33], а «флектирующие языки, одно из основных понятий лингвистической типологии языков, морфологической классификации языков, объединяющее языки, в которых словоизменительное и словообразовательное значение выражается преим. *флексией*» [4, 490]. Именно поэтому Ибн Джины называет тасриф средним звеном между грамматикой и языком, и утверждает, что прежде всего нужно знать тасриф, поскольку знание устойчивой сущности вещи есть начало для распознания ее изменяемых корнеформ [19, 4–5].

1. *Аль-Фоади Р.А. Один ключ от двери в бескрайний мир арабского языка – флексия: основные показатели флективности. Берлин, 2014.*
2. *Аль-Фоади Р.А. Принципы флективной прогрессивной интеграции языковых уровней арабского языка (арабский тасриф): второй ключ (в печати).*
3. *Амирова Т.А. История языкознания. М., 2005.*
4. *БСЭ – Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Изд. 3-е. / Глав. ред. А.М. Прохоров. М., 1977. Т. 27.*
5. *Буслаев Ф.И. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской, с приложением образцов грамматического разбора, восьмое издание, исправленное и дополненное. М., 1896.*
6. *Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым. М., 1848.*
7. *Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992.*
8. *БЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е издание. М., 1998.*
9. *Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.*
10. *Данилина Н.И. Греческая морфонология: эволюция системы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 47–51.*
11. *Данилина Н.И. Сопоставительная морфонология глагольного изменения: консонантизм // Вестник СамГУ. 2010. № 5 (79). С. 134–139.*
12. *Жолобов О.Ф. История двойственного числа в русском языке: учеб. пособие. Казань, 2000.*
13. *Лукин О.В. Критерии установления языковых типов: морфема, слово, части речи // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Т. 1 (гуманитарные науки). С. 167–175.*
14. *Лукин О.В. Типология и части речи: европоцентризм и Е. Д. Поливанов // Ярославский педагогический вестник. 1996. № 2. С. 108–109.*
15. *Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1.*
16. *Щерба Л.В. Языковая система как деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2004.*
17. *Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка. СПб., 1999.*
18. *Cibaweih, Abu Bishr Omar bin Qanbar, Alkitab, tahqiq Abdualsalam Mohhamed Harun, aljuzu alawal, 1988, Qahira, Maktabatu Alkhanachi, 346 ṣ. [Сибавейхи, Абу Омар бин Канбар, Алькитаб, под ред. Абдуальсалам Мохаммед Харун. Каир, 1988. Т. 1.].*
19. *Ibn Jini, Abu alfatḥ Osman bin Jini, Al munsif li kitab altasrif , aljuzu alawal, Dar Iḥia alturath alqadim, Qahira 1954, altabaʿat alawla, 344 s. [Ибн Джины, Абу Альфатих Осман Бин Джины. Справедливый для книги по тассрифу. Каир, 1954. Т. 1.].*
20. *Ibn Jinni Abu alfatih Omar bin Ocman Ibn Jinni.ʿilalu altaθniati,Tahgig Subih Al-tmimi, taba alawla, Gahira, 1992. [Ибн Джины, Абу АлФатих Омар бин Осман Ибн Джины. Мотивы двойственности. Под. ред. Субих Аль-тмими, Каир, 1992.].*